

ЭДВАРД МОРГАН ФОРСТЕР

ГОВАРДС-ЭНД

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ф79

Серия «Эксклюзивная классика»

Edward Morgan Forster
HOWARDS END

Перевод с английского *Н. Жутовской*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Печатается с разрешения The Provost and Scholars of King's College, Cambridge/o The Society of Authors.

Форстер, Эдвард Морган.

Ф79 Говардс-Энд : [роман] / Форстер Эдвард Морган ; [перевод с английского Н. Жутовской]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-146921-4

«Говардс-Энд» — один из лучших романов Форстера. Книга, которая вошла в список «100 лучших романов» Новейшей библиотеки США и легла в основу сценария оскароносного фильма Джеймса Айвори с Энтони Хопкинсом, Эммой Томпсон и Хеленой Бонэм Картер в главных ролях.

Одно из самых ярких произведений в жанре семейной саги, когда-либо выходявших из-под писательского пера.

В усадьбе Говардс-Энд разыгрывается драма трех семейств — богатых буржуа Уилкоксов, интеллигентов Шлегелей и простых провинциальных обывателей Бастов.

Драма, в которой есть место и ненависти, и вражде, и предательству, и непониманию, и подлинному чувству...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

© The Provost and Scholars of King's College, Cambridge, 1910, 1973

© Перевод. Н. Жутовская, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-146921-4

1

Можно, пожалуй, начать с писем Хелен, адресованных сестре.

**Говардс-Энд,
вторник**

Моя дорогая Мег!

Он совсем не такой, как мы ожидали. Маленький, старый и совершенно очаровательный — из красного кирпича. Мы едва можем здесь разместиться, и лишь Господь ведаёт, что будет, когда завтра приедет Пол (младший сын). Из холла можно пройти направо или налево, в столовую или в гостиную. Да и сам холл, по сути дела, не больше обычной комнаты. Если же открыть из него ещё одну дверь, то можно увидеть лестницу, ведущую, словно сквозь некий тоннель, на второй этаж. Там расположены в ряд три спальни, а над ними, тоже в ряд, три чердачных помещения. Это, по правде сказать, ещё не весь дом, но когда смотришь со стороны сада, то видны только девять окон.

В саду, по левую сторону от дома, если встать к нему лицом, растёт шершавый вяз, немного склоняясь к зданию и отмечая границу между садом и лугом. Я уже успела полюбить это дерево. Тут есть и обычные вязы, и дубы —

ничуть не хуже всех прочих дубов, — и груши, и яблони, и дикий виноград. А вот берез нет. Однако надо бы перейти к хозяину и хозяйке. Мне только хотелось дать тебе понять, что это вовсе не то, что мы с тобой ожидали. И с чего нам вдруг взбрело в голову, будто их дом непременно окажется с остроконечными фронтонами и завитушками, а в саду все дорожки будут посыпаны желтым песочком? Наверное, все дело в том, что сами хозяева ассоциируются у нас с дорогими отелями — миссис Уилкоккс неспешно ступает в роскошном платье по длинному коридору, а мистер Уилкоккс гоняет несчастных портье и прочее и прочее. Какие же мы, женщины, несправедливые!

Возвращаюсь я в субботу. О поезде сообщу позднее. Они рассердились не меньше моего, что ты не приехала. Ну, право же, Тибби просто невыносим — каждый месяц у него какая-нибудь смертельная болезнь. Как он умудрился получить сенную лихорадку в Лондоне? Но даже если и так, с твоей стороны это уж слишком — отменить поездку, чтобы слушать, как мальчишка чихает. Передай ему, что Чарлз Уилкоккс (сын Уилкоксов, который гостит здесь) тоже страдает сенной лихорадкой, но держится молодцом и даже злится, когда мы справляемся о его здоровье. Такие люди, как Уилкоксы, могли бы оказать на Тибби благотворное влияние. Но ты со мной не согласишься, а посему будет лучше, если я перемену тему.

Письмо такое длинное, потому что я пишу перед завтраком. Ах как красивы виноградные листья! Весь дом обвит диким виноградом. Недавно я выглянула в окно и увидела, что миссис Уилкоккс уже в саду. Сразу видно, что она его любит. И неудивительно, что временами выглядит усталой. Она смотрела, как распускаются большие красные маки, а потом ушла с лужайки на луг, уголок которого мне виден с правой стороны. «Шуршур» — тянулось по мокрой траве ее длинное платье, а

после она вернулась с огромной охапкой скошенной вчера травы — должно быть, для каких-нибудь кроликов — и знаешь, миссис Уилкоккс все время ее нюхала. Воздух здесь восхитительный. Позже я услышала стух крокетных шаров и снова выглянула в окно. Оказалось, что это тренируется Чарлз Уилкоккс, ибо хозяйева любят играть в самые разнообразные игры. Но вскоре Чарлз начал чихать и принужден был остановиться. Опять слышу постукивание — теперь это тренируется мистер Уилкоккс, а затем раздается «вжих-вжих», и он тоже останавливается. Выходит Иви и начинает делать какие-то гимнастические упражнения на агрегате, который прикреплен к сливе-венгерке — здесь всему найдут применение, — говорит «вжих-вжих» и возвращается в дом. Наконец вновь появляется миссис Уилкоккс, шур-шур, все так же нюхает сено и смотрит на цветы. Я так подробно рассказываю, потому что ты однажды сказала, что жизнь иногда бывает жизнью, а иногда всего лишь драмой, и нужно научиться отличать одно от другого. До сегодняшнего дня я считала твои слова «умной бессмыслицей Мег», однако сегодня утром жизнь и вправду показалась мне не жизнью, а пьесой, и мне было чрезвычайно забавно наблюдать за Уилкокксами.

Пришла миссис Уилкоккс.

Я надену (пропуск). Вчера вечером на миссис Уилкоккс было надето (пропуск), а на Иви (пропуск). Так что это не совсем тот дом, где можно носить что заблагорассудится, и если закрыть глаза, то, пожалуй, я действительно пребываю в отеле с завитушками, который мы с тобой и ожидали здесь найти. Но стоит глаза открыть, как все становится иначе. Какой милый шиповник! Он растет в виде огромной живой изгороди за лужайкой — роскошные высокие кусты, ниспадающие гирляндами цветов, но тонкие и нежные внизу, так что через них

можно увидеть уток и корову. Эти последние живут на ферме, в единственном строении, расположенном по соседству. Гонг зовет к завтраку. Шлю тебе большой привет, Тибби — тоже привет, но поменьше. Привет и тетушке Джули. Было очень мило с ее стороны приехать и составить тебе компанию, но какая же она зануда! Сожги это письмо. Еще напишу в четверг.

Хелен

**Говардс-Энд,
пятница**

Моя дорогая Мег!

Я чудесно провожу время! Они все мне нравятся. Миссис Уилкоккс более молчалива, чем в Германии, и чрезвычайно мила. К тому же мне не доводилось видеть в людях такого непоколебимого бескорыстия, как у нее. Однако еще приятнее то, что никто не пытается им воспользоваться. Это самое счастливое и веселое семейство, какое только можно вообразить. И мне кажется, что мы и вправду становимся друзьями. Особенно забавно, что меня считают простушкой и прямо так и говорят — по крайней мере мистер Уилкоккс, — и когда это происходит, но никто против меня ничего не имеет, то, пожалуй, тут-то и проявляется доброе отношение, не правда ли? Он с весьма милым видом говорит ужасные вещи о женском избирательном праве, а когда я заявила, что верю в равноправие, он сложил руки на груди и прочел такую нотацию, какую мне еще слышать не приходилось. Неужели, Мег, мы не научимся держать язык за зубами? Никогда в жизни мне не было так стыдно. Я не смогла назвать ни одного периода, когда люди были бы равны или когда желание достичь равноправия сделало бы их хоть в чем-то счастливее. Я не смогла сказать ни слова, потому что, видно, просто позаимствовала идею о том, что равноправие — это хорошо, из какой-нибудь книги:

быть может, из стихов или от тебя. Как бы то ни было, идея равноправия была разбита в пух и прах, но, как все поистине сильные личности, мистер Уилкокс сделал это, ничуть меня не обидев. Я же, со своей стороны, смеюсь над их сенной лихорадкой. Мы живем словно бойцовые петиухи, а Чарлз каждый день возит нас покататься в автомобиле — склеп с растущими внутри деревьями, жилище отшельника, прекрасная дорога, некогда проложенная мерсийскими королями, — потом теннис, игра в крикет, бридж, а под вечер мы все набиваемся в наш милый дом. Теперь здесь собралось все семейство — как в садке для кроликов. Иви очаровательна. Мне предлагают остаться до следующей недели — полагаю, ничего не случится, если я соглашусь. Погода восхитительна, воздух восхитителен, как и виды на запад, вплоть до дальних холмов. Спасибо тебе за письмо. Сожги мое.

Твоя любящая

Хелен

**Говардс-Энд,
воскресенье**

Моя дорогая, дорогая Мег!

Не знаю, что ты на это скажешь: мы с Полом любим друг друга. Это младший сын, который приехал только в среду.

2

Маргарет пробежала взглядом полученную от сестры записку и через стол, на котором был накрыт завтрак, протянула ее тетушке. На мгновение наступила тишина, а потом, как сквозь открытые шлюзы, хлынул поток тетушкиного красноречия.

— Я ничего не могу вам ответить, тетушка Джули, потому что знаю не больше вашего. Мы познакомились — познакомились только с отцом и матерью семейства — прошлой весной за границей. Мне о них известно совсем немного, и я даже не знала, как зовут их сына. Все это как-то... — Она взмахнула рукой и негромко рассмеялась.

— В таком случае это уж слишком неожиданно.

— Кто знает, тетушка Джули, кто знает.

— Но, Маргарет, дорогая, теперь, когда нам все стало известно, следует проявить здравый смысл. Конечно, все это очень неожиданно.

— Кто знает!

— Но, Маргарет, дорогая...

— Пойду принесу другие письма, — сказала Маргарет. — Нет, сначала закончу завтракать. Хотя писем-то нет. С Уилкоксами мы познакомились, когда отправились из Гейдельберга в ту ужасную поездку в Шпейер. Откуда-то мы с Хелен узнали, что в Шпейере есть великолепный старый собор — архиепископ Шпейерский был одним из семерых, кто в свое время выбрал императора Священной Римской империи — ну, вы помните: Шпейер, Майнц и Кёльн. Эти три епархии когда-то управляли долиной Рейна, и потому ее прозвали «Улицей церковников».

— Мне все-таки очень не по себе из-за этой истории, Маргарет.

— Мы переехали на поезде понтонный мост, и на первый взгляд собор нам понравился. Но через пять минут все стало ясно. Собор был уничтожен, абсолютно уничтожен реставрацией: от старинного здания не осталось ни дюйма. Мы провели там целый день без всякого удовольствия, и, когда ели сэндвичи в общественном парке, познакомились с Уилкоксами. Они,

бедняжки, попались на ту же удочку — даже остановились в шпейерской гостинице. Хелен настойчиво уговаривала их лететь с нами в Гейдельберг, и им эта идея понравилась. Они действительно присоединились к нам на следующий день, и потом мы не раз совершали совместные поездки по окрестностям. Так что они знали нас достаточно, чтобы пригласить Хелен в гости, — меня, надо сказать, тоже пригласили, но из-за болезни Тибби мне пришлось отказаться и в прошлый понедельник Хелен отправилась одна. Вот и все. Теперь вы знаете столько же, сколько и я. Этот молодой человек мне совершенно неизвестен. Хелен должна была вернуться в прошлую субботу, но отложила отъезд до понедельника — быть может, по причине... Не знаю.

Замолчав, Маргарет прислушалась к звукам лондонского утра. Их дом стоял на Уикем-плейс, и в нем было довольно тихо, ибо от главной улицы его отделяло несколько высоких зданий. Здесь появлялось ощущение тихой заводи или, скорее, устья реки, чьи воды вливались в невидимое море, и их шумный бег понемногу замедлялся, пока не наступала глубокая тишина, хотя там, вдали, волны плескались все так же. В этих высоких зданиях располагались апартаменты — дорогие, с просторными вестибюлями, множеством консьержей и пальм, однако благодаря этим зданиям жизнь в более старых домах, стоящих напротив, гораздо спокойнее. Когда-нибудь их тоже снесут, а на их месте вырастут новые, ибо человечество постоянно старается взгромоздиться как можно выше на дорогостоящей лондонской земле.

Миссис Мант истолковала поведение своих племянниц по-своему. Она решила, что Маргарет, пребывая на грани истерики, пустилась в столь долгие описания, единственно чтобы овладеть собой. Полагая,

что ведет себя как истинный дипломат, тетушка Джули высказала сожаление относительно судьбы Шпейера и объявила, что теперь-то она на обман не поддастся и ни за что не поедет в те края, а от себя добавила, что принципы реставрации понимаются в Германии неверно.

— Немцы, — сказала она, — слишком дотошные. Иногда это хорошо, а иногда никуда не годится.

— Вот именно, — подтвердила Маргарет, — немцы слишком дотошные.

И в ее глазах засветилась улыбка.

— Но я, конечно, считаю вас, Шлегелей, англичанами, — поторопилась добавить миссис Мант, — англичанами до мозга костей. — Подавшись вперед, Маргарет погладила ее по руке. — И в связи с этим... вернемся к письму Хелен...

— Ах да, тетушка Джули, я не забыла про письмо Хелен. Я знаю, мне следует туда поехать и с ней увидеться. Я правда об этом думаю. И действительно собираюсь поехать.

— Но поехать, имея определенный план, — сказала миссис Мант, подпустив в свой ласковый голос немного сердитых ноток. — Маргарет, не дай застать себя врасплох, если мне позволено высказать свое мнение. Что ты думаешь об Уилкоксах? Они нашего круга? Это порядочные люди? Могут ли они оценить все достоинства Хелен, которая, на мой взгляд, необыкновенная девушка? Любят ли они Литературу и Искусство? Ведь, если задуматься, это самое важное. Литература и Искусство. Самое важное. Сколько лет может быть их сыну? Она пишет «младший». Достиг ли он возраста, когда можно жениться? Сможет ли он сделать Хелен счастливой? Ты пришла к выводу...

— Я не пришла ни к какому выводу.

Обе женщины заговорили одновременно.

— Стало быть, в данном случае...

— Разве вы не видите, что в данном случае я не могу строить никаких планов.

— Наоборот...

— Ненавижу планы. Ненавижу продумывать линию поведения. Хелен не ребенок.

— Ну, в таком случае, дорогая, зачем же туда ехать?

Маргарет молчала. Если тетушка не понимает, почему Маргарет следует ехать, то сама она ей не скажет. Она не скажет: «Я люблю свою дорогую сестру. И должна быть с нею рядом в этот решающий момент ее жизни». Привязанность — чувство более сдержанное, чем страсть, и проявляется не столь бурно. Если Маргарет сама когда-нибудь влюбится, то станет кричать об этом на всех перекрестках, но поскольку покамест она любит лишь свою сестру, то и говорить об этом она будет тихим голосом сопричастности.

— Я считаю, что вы девушки необычные, — продолжала миссис Мант, — и замечательные. И во многих отношениях даже кажетесь гораздо старше своих лет. Но — ты не обидишься? — честно говоря, ты, по моему, не годишься для такого дела. Здесь требуется человек постарше. Дорогая, у меня нет никакой необходимости возвращаться сейчас в Суонидж. — Она развела в стороны свои пухлые руки. — Я вся в твоём распоряжении. Давай в этот дом, название которого у меня вылетело из головы, я поеду вместо тебя.

— Тетушка Джули! — Маргарет, вскочив, поцеловала ее. — Я должна сама — сама! — отправиться в Говардс-Энд. Вы не совсем понимаете, что произошло, хотя я очень благодарна вам за предложение.

— Я все прекрасно понимаю, — ответила тетушка Джули с непоколебимой уверенностью. — Я поеду без

всякого намерения вмешиваться, но с целью навести необходимые справки. Осведомленность необходима. А теперь я скажу тебе нечто нелицеприятное. Ты будешь вести разговор совсем не так, как должно. В этом нет сомнения. Желая счастья Хелен, ты обидишь всех этих Уилкоксов каким-нибудь необдуманым вопросом — хотя мне-то нет никакого дела до их обид.

— Я не буду задавать вопросы. Хелен собственноручно мне написала, что она и этот юноша любят друг друга. Если все так, то тут не о чем спрашивать. Все остальное не имеет никакого значения. Пусть помолвка будет долгой, но все эти выяснения, вопросы, планы, стратегии — нет, тетушка Джули, нет.

И Маргарет поспешила прочь. Не то чтобы это была красивая или чрезвычайно умная девушка, но в ней было нечто заменявшее оба этих качества, то, что лучше назвать исключительной жизнерадостностью, неизменным искренним откликом на все, что встречалось ей на жизненном пути.

— Если бы Хелен написала мне то же самое о продавце или бедном клерке...

— Дорогая Маргарет, прошу тебя, войди в библиотеку и закрой дверь. Твои милые горничные вытирают пыль с лестничной балюстрады.

— ...или если бы она захотела выйти замуж за человека, который пользуется услугами компании «Картер Патерсон»*, моя реакция была бы точно такой же.

Затем Маргарет, как это за ней водилось, перевела разговор в новое русло, что обычно убеждало тетушку Джули в том, что племянница не такая уж сумасшед-

* Известная в те годы железнодорожная служба доставки. — *Здесь и далее примеч. пер.*

шая, а людей иного склада — в том, что она вовсе не сухарь теоретик.

— Хотя в случае с «Картером Патерсоном», — проговорила она, — должна признаться, я, пожалуй, настаивала бы на очень длительной помолвке.

— Пожалуй, так, — откликнулась миссис Мант, — но я едва поспеваю за ходом твоих мыслей. Только вообрази, что ты заявила бы Уилкоксам что-нибудь в этом роде. Я-то тебя понимаю, но большинство приличных людей подумают, что ты не в себе. Представь, как это смутит Хелен! Здесь нужен человек, который медленно, не торопясь, займется этим делом, разберется в ситуации и поймет, к чему она может привести.

— Но из ваших слов следует, что помолвку нужно разорвать, — возразила Маргарет.

— Думаю, что, быть может, и нужно, но разрывать ее надо медленно.

— А разве можно помолвку разорвать медленно? — Глаза Маргарет заблестели. — Из чего же она, по-вашему, сделана? Я-то думаю, что она сделана из прочного материала, который, пожалуй, может расколоться, но уж никак не разорваться. Помолвка отличается от прочих уз, которыми связывает нас жизнь. Те растягиваются или сгибаются. Они допускают ту или иную степень прочности. А помолвка — это нечто совсем другое.

— Вот именно. Но не позволишь ли ты мне просто поехать в этот Говардс-Хаус и избавить тебя от неловкости? Я ни в коем случае не стану вмешиваться, но ведь я-то прекрасно понимаю, что вам, девицам Шлегель, нужно, а поэтому мне будет достаточно лишь внимательно оглядеться.

Маргарет снова поблагодарила тетушку, снова поцеловала ее, а потом побежала наверх, к брату.

Чувствовал он себя скверно.

Ночью его сильно беспокоила сенная лихорадка. Голова болела, глаза слезились, а слизистая оболочка, по его словам, была в самом плачевном состоянии. Единственное, что хоть как-то примиряло его с жизнью, была мысль об Уолтере Сэвидже Лэндоре, чьи «Воображаемые беседы» Маргарет обещала ему читать с частыми перерывами в течение дня.

Ситуация сложилась непростая. Нужно что-то делать с Хелен. Ее следует убедить, что в любви с первого взгляда нет ничего преступного. Телеграмма, посланная с этой целью, покажется ей холодной и непонятной, а собственный визит с каждым мгновением представлялся Маргарет все более невозможным. Приехал доктор и сообщил, что Тибби совсем плох. Может быть, и в самом деле лучше принять предложение тетушки Джули и отправить ее в Говардс-Энд с запиской?

Маргарет, без сомнения, была человеком импульсивным. Она часто металась от одного решения к другому. Спускаясь по лестнице в библиотеку, она на бегу прокричала тетушке:

— Хорошо, я передумала! Поезжайте лучше вы!

Поезд отходил от Кингс-Кросс в одиннадцать часов. В половине одиннадцатого Тибби с редким для него смирением уснул, и Маргарет смогла отвезти тетушку на вокзал.

— Не забудьте, тетя Джули, вас не должны вовлечь в обсуждение помолвки. Передайте мое письмо Хелен и скажите то, что подскажут вам чувства, но держитесь подальше от родственников. Мы еле-еле запомнили все их имена, а кроме того, все это нецивилизованно и в корне неверно.

— Нецивилизованно? — переспросила миссис Мант, опасаясь, что от нее ускользнула суть какого-то остроумного замечания.

— О, я высказалась слишком категорично. Мне всего лишь хотелось попросить вас обсудить это дело с одной только Хелен. Пожалуйста!

— С одной только Хелен.

— Потому что...

Но сейчас было не время рассуждать о природе человеческой любви. Даже Маргарет предпочла уклониться от подобного разговора и удовольствовалась тем, что погладила руку доброй тетушки и вообразила себе не совсем осознанно, но в некоем поэтическом духе, путешествие, которое должно было вот-вот начаться на вокзале Кингс-Кросс.

Как и многие люди, изрядно пожившие в огромном столичном городе, Маргарет испытывала особенные чувства к вокзалам, к этим вратам в удивительное и неизведанное. Отсюда мы отправляемся навстречу солнцу и приключениям, и сюда же — увы! — возвращаемся. С Паддингтонского вокзала нас манит лежащий далеко на западе и пока невидимый Корнуолл, бегущая вниз Ливерпуль-стрит сулит нам торфяные болота и широко раскинувшиеся Норфолкские озера, мимо пилонов Юстона мы едем в Шотландию, а сквозь напряженный шум и гам вокзала Ватерлоо — в Уэссекс. Это понимают итальянцы, что естественно. Те неудачники, которые работают официантами в Берлине, называют Ангальтский вокзал Итальянским, ибо именно с него они возвращаются домой. И только те лондонцы, которых отличает скучнейший нрав, не наделяют свои вокзалы каким-нибудь характером и не испытывают по отношению к ним, пусть даже в незначительной степени, чувства любви и страха.

У Маргарет — надеюсь, это не настроит читателя против нее — вокзал Кингс-Кросс всегда вызывал ощущение Бесконечности. В самом его расположении —